

Д. А. Данилюк (*Минск, МГЛУ*)

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

(на материале английского и русского языков)

Статья посвящена исследованию древнегреческих мифонимов как античных символов. Их использование в поэтических текстах широко распространено. Данное сопоставительное исследование посвящено изучению качественных и количественных показателей представленности мифонимов в англо- и русскоязычных словарях. Также проанализировано употребление мифонимов в текстах поэтов В. Я. Брюсова и У. Б. Йейтса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мифоним; миф; символ; культурный код; прецедентная единица.

The article is devoted to the study of ancient Greek mythonyms as ancient symbols. They are often used in poetic texts. This comparative analysis is devoted to the study of the qualitative and quantitative representation of mythonyms in English and Russian dictionaries. The use of mythonyms in the poetry of V. Ya. Bryusov and W. B. Yeats is also under analysis.

К е у w o r d s: mythonym; myth; symbol; cultural code; precedent unit.

Мифонимы – это имена персонифицированных персонажей мифов, которые включают в себя характеристику этих персонажей. Выявление случаев

использования мифологических единиц в поэтических текстах, попытка определения причин их использования в поэтическом тексте представляет исследовательский интерес.

Перед анализом непосредственно поэтического текста необходимо обратиться к словарям для изучения семантики мифологических единиц в русском и английском языках. Для исследования были использованы два словаря: «Новейший большой толковый словарь русского языка» (далее – «НБТСРЯ») [1] и «Collins concise dictionary» («Краткий словарь Коллинза») (далее – «КСК») [2]. Данные словари были выбраны на основании их авторитетности, полноты словарных статей и достаточной культурологической справки по выбранным единицам. После анализа словарей путем сплошной выборки единиц-мифонимов было подсчитано общее количество слов данного класса: в «НБТСРЯ» – 58 слов, в «КСК» – 212 слов. Практически полное совпадение значений, данных в словарях обоих языков, было отмечено у 13 номинаций. 13 словарных статей имели различия. Так, в английском языке у мифонима *нимфа* есть значение «красивой молодой женщины», которое отсутствует в русском языке. Также в английском существует устойчивое выражение *a sob to Cerberus* («взятка Церберу»), которое обозначает «взятку или что-то, что дается источнику опасности или проблем, чтобы его успокоить»; в русском языке, в свою очередь, *Цербером* могут называть «свирепого и бдительного сторожа». В обоих языках есть значение, сформированное на основе метафоры, но сами явления, стоящие за ними, имеют различия. Наблюдаются идентичные значения у разных мифонимов. Так, *Адонис* в английском языке может обозначать «красивого молодого человека», в русском же языке идентичное отдельное значение вынесено у *Аполлона*. Тем не менее, у одних и тех же мифонимов есть переносные значения, основанные на метафоре, которые характерны для обоих языков. Например, *Аргус* обозначает «бдительного человека» в обоих случаях. В «НБТСРЯ» многие дополнительные значения мифонимов связаны с областями биологии, медицины, химии, астрономии, а также выражают абстрактные понятия. Большое количество мифонимов в русском языке перешло в разряд имен нарицательных, в то время как в английском языке акцент словарной статьи сделан на содержании самого мифа.

Выбор работ поэтов В. Я. Брюсова (1873–1924 гг.) и У. Б. Йейтса (1865–1939 гг.) для данного исследования не случаен. Поэты жили и творили в один период, оба проявляли личный интерес к мифологии и использовали символизм в своих произведениях. Брюсов и Йейтс в одинаковой мере чувствовали необходимость вернуться к истокам культуры, возродить прошлое. Йейтс в большей степени использовал в произведениях элементы кельтского фольклора и ирландской мифологии, однако в его творчестве присутствуют и случаи употребления единиц, относящихся к античной мифологии Древней Греции. Использование мифонимов в поэтическом тексте способствовало достижению цели авторов, поскольку мифонимы передают смысл, основанный на определенном представителе мифа, тем самым являя собой символ. Как следствие, текст поэтических произведений обретал образность и символичность.

При проведении анализа поэтических текстов русского поэта В. Я. Брюсова «К Деметре» (1904 г.) и английского поэта У. Б. Йейтса «Her Triumph» («Триумф Женщины», 1926 г.) были выявлены указывающие на связь с античностью единицы, проанализированы их смыслообразующие возможности. В своем стихотворении В. Я. Брюсов обращается к одному из самых почитаемых олимпийских божеств, древнегреческой богине плодородия и земледелия Деметре: *Небо чётко, небо сине, / Жгучий луч палит поля; / Смутно жаждущей пустыней / Простирается земля; / Губы веющего ветра / Ищут, что поцеловать... / Низойди в свой мир, Деметра, / Воззови уснувших, мать! / Глыбы взрыхленные чёрны, / Их вспоил весенний снег. / Где вы, дремлющие зёрна, / Замышляйте свой побег! / Званы вы на пир вселенной! / Стебли к солнцу устремля, / К жизни новой, совершенной, / Воскресайте, озимя! / И в душе за ночью зимней / Тоже – свет, и тоже – тишь. / Что ж, душа, в весеннем гимне / Ты проснись не спешишь? / Как засеянное поле / Простираются мечты, / И в огнистом ореоле / Солнце смотрит с высоты. / Брошен был порой осенней / И в тебя богатый сев, – / Зёрна страсти и мучений, / Всколоситесь как напев! / Время вам в движеньях метра / Прозвучать и проблистать. / Низойди в свой мир, Деметра, / Воззови к уснувшим, мать!*

К Деметре автор обращается как к одному из самых почитаемых олимпийских божеств. К ней взывают, чтобы зерна вышли полновесными и удалась пахота – так и в данном произведении. Более того, автор углубляется в содержание мифа о Деметре и ее дочери Персефоне: он просит мать «низойти в свой мир» и «воззвать уснувших». Как известно, Деметра спускается в царство Аида для того, чтобы забрать дочь, и две трети года они проводят вместе – тогда мать перестает горевать, а на земле урожай. Этот мотив и лежит в основе просьбы В. Я. Брюсова к богине.

В «Триумфе женщины» У. Б. Йейтс описывает, от лица женщины красивую историю любви и спасения: *I did the dragon's will until you came / Because I had fancied love a casual / Improvisation, or a settled game / That followed if I let the kerchief fall: / Those deeds were best that gave the minute wings / And heavenly music if they gave it wit; / And then you stood among the dragon-rings. / I mocked, being crazy, but you mastered it / And broke the chain and set my ankles free, / Saint George or else a pagan Perseus; / And now we stare astonished at the sea, / And a miraculous strange bird shrieks at us.*

Отнюдь не случайно в конце произведения появляется обращение: «*Saint George, or else a pagan Perseus*» («Святой Георгий, или язычник Персей»). Стихотворение базируется как на мифе о спасении Персеем Андромеды от дракона, так и на «Чуде Георгия о змие» – описанном в житии святого великомученика Георгия Победоносца спасении им царевны от змея. Отсылка к мифу дает представление о героическом поступке, о спасении. Здесь строка «*Saint George, or else a pagan Perseus*» («Святой Георгий, или язычник Персей») выступает в роли метафоры, возникающей в сознании для передачи состояния героя стихотворения. Однако употребление мифологических единиц в тексте не сводится к метафоре. Стоит заметить, что В. Я. Брюсов также обращался к Персею в своем произведении «Штурм

неба» (1923 г.), однако в данном случае упоминание персонажа мифа служит средством передачи величия неба, пробуждая в сознании образ героя и его собственное величие: *Сдвинь плотно, память, жалюзи! / Миг, стань как даль! как мир – уют! / Вот – майский день; над Жювизи / Бипланы первые планируют. / Еще! Сквозь книги свет просей, / Тот, что мутнел в каррарском мраморе! / Вот – стал на скат, крылат, Персей; / Икар воск крыльев сеет на море. / Еще! Гуди, что лук тугой, / Любимцев с тьмы столетий кликая! / Бред мудрых, Леонард и Гойи: / «Вскрылит, взлетит птица великая...» / Еще! Всех бурь, всех анархий / Сны! все легенды Атлантидины! / Взнести скиптр четырех стихий, / Идти нам, людям, в путь неиденный! / И вдруг – открой окно. Весь день / Пусть хлынет, ранней мглой опудренный; / Трам, тротуар, явь, жизнь везде, / И вот – биплан над сквером Кудрина. / Так просто! Кинув свой ангар, / Зверь порскает над окским берегом; / И, где внизу черн кочегар, / Бел в синеве, летя к Америкам. / Границы стерты, – с досок мел! / Ввысь взвив, незримыми лианами / Наш век связать сумел, посмел / Круг стран за всеми океанами. / Штурм неба! Слушай! Целься! Пли! / «Allons, enfants»... – «Вставай...» и «Ca ira». / Вслед за фарманом меть с земли / В зыбь звезд, междупланетный аэро!*

Более того, автор приводит образ Икара, одновременно употребляя в тексте смежные образы – крылья и море. В сознании миф о Дедале и Икаре неразрывно связан с данными объектами. Эти образы важны для автора и связаны с небесной широтой. В отличие от упоминания Персея у У. Б. Йейтса, В. Я. Брюсов использует образ в более буквальном смысле, однако эта отсылка не обесценивает персону мифа в поэтическом тексте: читатель воспринимает этот образ и рисует определенную картину, учитывая содержание мифа. Таким способом автор «активирует» культурный код и включает символизм в произведение.

В основе произведений «К Деметре» и «Триумф женщины» лежит некоторый переломный момент («К Деметре» – засуха, «Триумф женщины» – заточение); причина обращения авторов к мифологическим героям заключается же в том, что они выступают в роли прецедентных единиц, которые обладают смысловой глубиной и составляют когнитивную базу лингвокультурного сообщества. Прецедентные единицы вызывают ассоциации, образы в памяти, которые, как правило, хорошо известны всем представителям данного социума и вызывают определенные эмоции. При этом нужно учитывать, что мифонимы не используются в повседневной речи людей. Однако будучи прецедентными единицами, они будут вызывать определенные ассоциации в сознании, потому что хранятся в «архиве» памяти. Любое общество имеет свою историю, культуру и ценности. Это неизбежно передается из поколения в поколения через культурный код, своеобразную базу данных. Миф – неотъемлемая часть этой базы. Мифонимы же в текстах выступают в роли символов. Будучи выраженными языковыми знаками, символы сохраняют образность оригинального объекта, переносят характерные черты и особенности. Поэтому в сознании возникают ассоциации не мифа непосредственно, а свойств, характерных для того или иного мифа, персоны мифа

или объекта. Таким образом, *Афродита* будет пробуждать в сознании символ красоты и любви, *Зевс* – силы, власти и могущества. Мифы, созданные много лет назад, проходят сквозь время и остаются в памяти людей. Некоторые образы видоизменяются, однако целостное восприятие остается неизменным, хоть и обобщенным. Для полноценного понимания цели употребления той или иной мифологической единицы в тексте, необходимо определенное знание мифа.

Несмотря на различное происхождение поэтов и разнонаправленность содержания исследованных произведений, В. Я. Брюсов и У. Б. Йейтс обращаются к истокам культуры европейского общества. Употребляя в своих поэтических произведениях имена героев мифов, они не только демонстрируют личный интерес к теме, но и побуждают нас воспринимать мифологические имена как символы, как нечто нам известное на подсознательном уровне, хранящееся в глубинах памяти. В перспективе исследования – более подробное изучение античной мифологии и прецедентных единиц, случаи и причины их употребления в поэтических текстах разных народов и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецов, С. А.* Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
2. *Hanks, P.* Collins concise dictionary / ed. P. Hanks. – 3rd ed. – Harpercollins Pub Ltd, 2003. – 1216 p.